

На правах рукописи

КУДИНА АНАСТАСИЯ ЮРЬЕВНА

**ТЕКСТ-ПРОДОЛЖЕНИЕ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ
ВТОРИЧНОГО ТЕКСТА**

Специальность 10.01.08 – Теория литературы. Текстология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Тверь – 2021

Работа выполнена на кафедре истории и теории литературы ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет»

Научный руководитель:

Семенова Нина Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории и теории литературы ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет»

Официальные оппоненты:

Прохоров Георгий Сергеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»

Хорева Лариса Георгиевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романской филологии ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Защита состоится « 27 » декабря 2021 г. в 13. 00 на заседании диссертационного совета Д 212.263.06 по филологическим наукам на базе Тверского государственного университета по адресу: 170002, г. Тверь, пр-т Чайковского, 70, ауд. 48.

Полный текст диссертации и объявление о защите размещены на сайте ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», электронный адрес: <https://dissertations.tversu.ru/>

Текст автореферата и объявление о защите размещены на сайте ВАК, электронный адрес: <https://vak.minobrnauki.gov.ru/>

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» по адресу: 170100, г. Тверь, ул. Трехсвятская 31/16.

Автореферат разослан «__» _____ 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
канд. филол. наук доцент

Громова П.С.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Проблема вторичных текстов в последнее время становится одной из наиболее актуальных проблем теории литературы, лингвистики, теории языка, культурологии. Кроме того, проблема первичности и вторичности является одной из основополагающих онтологических проблем и поэтому подвергается широкому философскому осмыслению.

В современном литературоведении, философии и герменевтике существует множество терминов, обозначающих связи между разными текстами художественной литературы и текстами в широком смысле: интертекст, чужая речь, чужое слово, прецедентный текст, претекст, собственно заимствование, а также реминисценция, аллюзия, цитата и т.д. Терминологическое многообразие свидетельствует о том, что изучением данной проблемы заняты разные гуманитарные дисциплины в целом и различные области филологического знания, имеющие свои особые методологии и методы исследований. При этом описание и теоретическое осмысление различных видов межтекстового взаимодействия находится на стадии активного научного изучения.

В результате научных поисков в этом направлении появились и продолжают развиваться различные теории интертекстуальности (Ю. Кристева, Р. Барт, Ж. Женетт, У. Эко, И. П. Ильин, Н. А. Кузьмина, Н. А. Фатеева и другие), диалогичности (М. М. Бахтин, М. Н. Кожина и другие). Но, несмотря на активное исследование интертекстуальности в сфере художественного дискурса, проблему межтекстового взаимодействия нельзя считать исчерпанной.

При изучении феномена вторичных текстов с точки зрения теоретического литературоведения нам, безусловно, следует обращаться к теории интертекста, которая берет свои истоки в работах Юлии Кристевой и французских постструктуралистов. В свою очередь, французские исследователи во многом являлись последователями идей М. М. Бахтина о полифоничности, а также особое

внимание уделяли введенному им понятию «чужого слова»¹. Бахтин писал, что текст – это «своеобразная монада, отражающая в себе все тексты (в пределе) данной смысловой области»²; «каждое слово пахнет контекстом и контекстами, в которых оно жило»³. Ю. Кристева приходит к выводу о том, что художник, помимо существующей объективной действительности, всегда имеет дело с предшествующей и современной ему литературой, с которой он находится в постоянном «диалоге»⁴.

Вся современная литература в определенной степени характеризуется вторичностью, так как оказывается неразрывно связанной с текстами предшествующих эпох. Кроме прямых отсылок и цитат к текстам предшественников, являющимся эксплицитной формой интертекстуальности (Н. Пьеге-Гро), существуют и другие формы. В настоящее время теоретически осмыслены и получили научное описание многие виды вторичных текстов, среди которых – пародия, стилизация, пастиш и другие. В то же время вопрос о такой разновидности вторичного текста, как текст-продолжение, хотя и затрагивался некоторыми исследователями, до сих пор окончательно не решен.

Актуальность темы данного исследования обусловлена следующими факторами:

отсутствием специальных исследований в литературоведении, предлагающих описание особой разновидности вторичного текста – текста-продолжения;

повышением научного интереса среди ученых-филологов к проблеме вторичных текстов как недостаточно изученной на сегодняшний день области научного знания.

¹ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров, примеч. С. С. Аверинцев и С. Г. Бочаров. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.

² Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М. : Художественная литература, 1986. – 543 с.

³ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М. : Художественная литература, 1975. – 504 с.

⁴ Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М: Прогресс, 2000. – С. 427-475.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в реализации системного подхода к изучению текстов-продолжений. В данной работе впервые осуществляется анализ средних и больших жанровых форм эпики, а также драматических жанров, представляющих тексты-продолжения в творчестве русских и зарубежных писателей XIX-XXI вв. Делается попытка решить вопрос о самостоятельности текста-продолжения как разновидности вторичного текста, а также выделить и описать характерные элементы, позволяющие отделить его от стилизации, пародии и других разновидностей вторичных текстов.

В диссертации впервые в отечественном литературоведении рассматривается феномен текста-продолжения в сопоставлении с иными видами вторичного текста, такими, как пародия, плагиат, перезапись, коллаж, стилизация, пастиш и другими. Положения М. М. Бахтина о диалогичности «чужого слова» и всего текста позволили поставить проблему межтекстового взаимодействия, «поведения» одного текста в другом. Содержательная область исследования находится на пересечении проблем теории текста, поэтики художественного текста и теории интертекстуальности. Диссертационная работа представляет анализ текста-продолжения с точки зрения воспроизведения в нем оригинальных канонических текстов предшествующих эпох.

Термин *вторичный текст* в отечественной лингвистике и литературоведении впервые появился в 1983 г. благодаря М.В. Вербицкой, опиравшейся на работы М. М. Бахтина. Её докторская диссертация посвящена таким художественным явлениям, как пародия, стилизация, бурлеск, травести и т. д.⁵ По мнению М. М. Бахтина, пародиям и смежным с ним явлениям присуще общее свойство, которое заключается в том, что «слово здесь имеет двойное направление – и на предмет речи, как обычное слово, и на другое слово, на другую речь»⁶. Исходя из этого, Вербицкая в своей работе выделяет такие относительно

⁵ Вербицкая М. В. Теория вторичных текстов (на материале современного английского языка). М., 2000. – 220 с.

⁶ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М. : Азбука-Классика. Non-Fiction, 2015. – 416 с.

несамостоятельные тексты, как пародия, стилизация, перифраз, пастиччо, бурлеск, травести, перепев; именно подобные тексты она относит к вторичным текстам, противопоставляя им тексты, обладающие оригинальностью, в которых присутствует индивидуальная авторская манера. По Вербицкой, вторичный текст – это «произведение стилистически вторичное, воспроизводящее важнейшие особенности стиля протослова, которые и придают этому последнему художественное многообразие»⁷.

Цель исследования состоит в выявлении специфических черт текста-продолжения и в теоретическом описании известных художественных литературных произведений как текстов-продолжений; построении теоретической модели текста-продолжения на репрезентативном материале, представляющем разные этапы истории мировой литературы – от реализма до постмодернизма.

Теоретической проблемой является доказательство существования **текста-продолжения как особого вида вторичного текста.**

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие исследовательские задачи:

- изучение и обобщение опыта исследований в области теории интертекста;
- изучение межтекстовых связей между прецедентным и вторичным текстами и выявление общих теоретических и аналитических моделей их взаимодействия;
- определение особенностей организации текста-продолжения как одной из разновидностей вторичного текста;
- представление модели взаимоотношений текста-продолжения с первичным художественным текстом и уяснение места текста-продолжения как вторичного текста в этой модели;
- определение объема и границ текста-продолжения для выделения его в ряду других видов вторичных текстов;

⁷ Вербицкая М. В. Теория вторичных текстов (на материале современного английского языка). М., 2000. – 220 с.

- исследование сюжетобразующей функции интертекстуальных элементов в тексте-продолжении.

Объектом исследования является текст-продолжение как особая форма вторичного текста в отечественной и зарубежной художественной литературе.

Предмет исследования: структурно-семантические характеристики нарративного текста-продолжения, позволяющие выделить его как самостоятельный вид вторичного текста.

Материалом исследования послужили вторичные тексты, созданные как писателями-классиками русской литературы, так и тексты, написанные русскими и зарубежными авторами в XX-XXI вв.: пьеса Е.А. Ростопчиной «Возврат Чацкого в Москву, или Встреча знакомых лиц после двадцатипятилетней разлуки», пьеса А. П. Чехова «Татьяна Репина», роман Д. Далоша «1985», роман Э. Берджесса «1985»; писателями-постмодернистами: «Чайка» Б. Акунина, «Поспели вишни в саду у дяди Вани» А. Забалуева и А. Зензинова, роман Ю.А. Авакяна «Мертвые души. Том 2»; представителями массовой литературы – роман А. и С. Литвиновых «Та самая Татьяна» и другие.

Теоретической и методологической основой диссертации являются труды М.М. Бахтина, посвященные концепции полифонизма (многоголосия) и диалогизма, послужившие основой общей теории интертекстуальности, предложенной Ю. Кристевой. Большое внимание уделено зарубежным и отечественным исследованиям, затрагивающим проблемы теории интертекстуальности (Р. Барт, Ю. Кристева, Н. Пьеге-Гро, М. Риффатер, И.А. Арнольд, Н. А. Кузьмина, В. А. Миловидов, И.П. Смирнов, Ю. С. Степанов, Н.А. Фатеева, В. Е. Чернявская и др.), а также межтекстовому взаимодействию (Ж. Женетт). Специфика исследования проблем интертекстуальности предполагает изучение философской и культурологической мысли: трудов Ю.М. Лотмана, Мишеля Фуко, Жака Деррида и Жана Бодрийера. Теоретической основой изучения текстов-продолжений являются работы М. В. Вербицкой, в

которых впервые в отечественной науке была предпринята попытка теоретического описания и классификации вторичных текстов. В качестве теоретической основы диссертационного исследования также использовались статьи, посвященные отдельным видам вторичных текстов (Л. А. Баранова, И. С. Беляева, О. А. Владимирова и др.). Идея инварианта, который может быть реконструирован в результате сравнения вторичных текстов, отсылающих к общему источнику, обозначена в монографии Н. В. Семеновой «Цитата в художественной прозе (на материале произведений В. Набокова)». В диссертации учтены также публикации Л. М. Майдановой и Ю.В. Флягиной, в которых проблема литературных продолжений рассматривается с позиций лингвистики.

Так как отобранный материал исследования чрезвычайно разнообразен в историко-литературном плане, в диссертации также использовались труды, связанные с рассмотрением творчества отдельных писателей: А. С. Грибоедова, А.С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Е. П. Ростопчиной, А. П. Чехова, А. С. Суворина, Дж. Оруэлла (Н. В. Берг, Г. П. Бердников, Н. Я. Берковский, Ю. В. Доманский, Н.И. Ищук-Фадеева, О. А. Клинг, Ю. В. Манн, Н. К. Пиксанов и др.)

Методы, используемые для решения поставленных задач, предполагают комплексный подход, который включает в себя нарратологический анализ, интертекстуальный метод исследования, использование компаративистских методик. Следует отметить, что, говоря о нарративных текстах, мы придерживаемся структуралистского понимания данного термина. Как отмечает В. Шмид, «тексты, называемые нарративными в структуралистском смысле слова, излагают, обладая на уровне изображаемого мира темпоральной структурой, некую историю. Понятие же истории подразумевает событие. Событием является некое изменение исходной ситуации: или внешней ситуации в повествуемом мире (естественные, акциональные или интеракциональные события), или внутренней ситуации того или другого персонажа (ментальные события). Таким образом,

нарративными, в структуралистском смысле, являются произведения, которые излагают историю, в которых изображается событие»⁸.

Положения, выносимые на защиту:

- Эксплицитные межтекстовые связи с претекстом на всех уровнях текста (прямые отсылки и цитаты, заимствование персонажей и «релятивизация их образов») – ключевая особенность текста-продолжения, позволяющая отделять произведения такого типа от других разновидностей вторичных текстов;
- Текст-продолжение – особый вид вторичного текста, имеющий как оригинальные видовые особенности (заимствование хронотопа и персонажей из претекста, обязательная смена авторства), так и черты других вторичных текстов (пародии, стилизации и т.п.): автор текста-продолжения может представить в ироническом ключе реплики, образы или даже целые сцены из оригинального текста (Е. П. Ростопчина «Возврат Чацкого в Москву, или встреча знакомых лиц после двадцатипятилетней разлуки») или имитировать стиль претекста (Ю. А. Авакян «Мертвые души. Том 2»);
- Основной особенностью поэтики текста-продолжения является воспроизведение в нем элементов прецедентного текста, значимых для сюжетостроения: авторы текстов-продолжений заимствуют персонажей из претекста и их «память» о событиях, что позволяет продолжить историю, описанную в претексте;
- События, получающие развитие в тексте-продолжении, разворачиваются в рамках хронотопа претекста: авторы текстов-продолжений как бы продлевают «ось времени» претекста. Бахтинское понимание хронотопа как «втягивания пространства через сюжетное развитие в процесс движения» это предполагает: «Время здесь сгущается,

⁸ Шмид В. Нарратология. – М. Языки славянской культуры, 2003. С. 10.

уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории»⁹;

- Возникновение текстов-продолжений хотя и не связано с определенным периодом в истории мировой литературы, становится наиболее популярным в эпоху постмодернизма с его игровой эстетикой.

Теоретическое и практическое значение работы. На сегодняшний день построение, развитие и уточнение теории вторичных текстов является актуальной проблемой как в лингвистике, так и в литературоведении. Единственная существующая теория вторичных текстов М. В. Верицкой посвящена, в большей степени, лингвистическому рассмотрению данного феномена, а в типологии, предложенной исследователем, отсутствует такой вид вторичного текста, как текст-продолжение.

В данной диссертации на материале творчества отечественных и зарубежных авторов апробируется тезис о том, что текст-продолжение является особой формой вторичного текста и имеет специфические особенности, позволяющие отграничить его от других видов вторичных текстов. Но, несмотря на особый статус текста-продолжения, данный вид вторичного текста может также иметь черты других вторичных текстов (например, черты пародии и стилизации). Таким образом, теоретическая значимость диссертации состоит в развитии и построении общей теории вторичных текстов, в уточнении методик анализа и интерпретации межтекстовых связей в художественной литературе.

В практическом плане данное исследование может использоваться при составлении учебных программ и пособий по литературоведению и теории литературы, найти применение в курсах истории русской литературы XX – начала XXI вв., истории зарубежной литературы XX века, а также мировой художественной культуры.

⁹ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит. 1975. – С. 234-407.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты исследования обсуждались на аспирантских семинарах и заседаниях кафедры теории и истории литературы ТвГУ (2017–2021 годы), были представлены на международных и всероссийских научно-практических конференциях: «Поэтика текста литературы и культуры» (2017, 2020, 2021, Тверь), «Филология и просветительство. Научное, педагогическое, краеведческое наследие Н.М. Лебедева» (2017, Тверь), «Бахрушинские чтения – 2017. Театр революции: к 100-летию революции» (2017, Москва), «Поэтика текста» (2018, 2019, 2020, 2021, Тверь), «Родная словесность в культурном и образовательном пространстве», (2018, 2019, Тверь), Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (2019, Москва), «Социальная семиотика: точки роста» (2020, Санкт-Петербург), «Феномен заглавия»: Интертексты в системе ЗФК учебной лаборатории мандельштамоведения Института истории филологии РГГУ и отдела теории литературы ИМЛИ им. А.М. Горького РАН (2020, Москва), Международный симпозиум «Русский язык в поликультурном мире» (2021, Ялта, Республика Крым).

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **ВВЕДЕНИИ** обосновывается актуальность и научная новизна работы, определяются ее объект, цели и задачи, аргументируется выбор материала диссертации, дается представление о методике исследования, его теоретической и практической значимости, приводятся положения, выносимые на защиту.

ГЛАВА 1 «ВТОРИЧНЫЕ ТЕКСТЫ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА» посвящена теоретическому обоснованию и доказательству существования особого типа вторичного текста – текста-продолжения.

В начале главы предлагается общее теоретическое исследование феномена интертекстуальности, приводятся различные определения данного понятия. Представлены различные подходы к изучению интертекстуальности, нашедшие свое отражение в трудах таких ученых, как Р. Барт, Ю. Кристева, Ж. Женетт, Н. А. Кузьмина, Н. А. Фатеева, Б. М. Гаспаров и других.

Особое внимание уделено теории Жерара Женетта, который занимался изучением межтекстовых связей как одним из наиболее важных вопросов теории интертекстуальности, что нашло отражение в двух его известных трудах – во «Введение в архитекст» (1979) и в «Палимпсестах» (1982). Ж. Женетт называет транстекстуальностью, как более общим термином, предложенным им, пять типов межтекстового взаимодействия. В главе также рассмотрена теория М. В. Вербицкой, благодаря которой в отечественной науке появился термин «вторичный текст».

В первой главе сформулирована **гипотеза** исследования, которая заключается в том, что текст-продолжение – это разновидность вторичного текста; текст, который является продолжением известного оригинального произведения, ставшего, как правило, каноническим, плотно вплетенным в текст культуры, как национальной, так и мировой, заимствующий из оригинального текста хронотоп, а также персонажей, которые действуют в логике развития, предложенной в претексте, с обязательной сменой автора.

Тексты-продолжения появляются, как правило, именно у канонических текстов потому, что даже не увлекающийся литературой человек знаком с основными персонажами, сюжетами подобных произведений художественной литературы, отрывки данных произведений многие знают наизусть, а выражения из них становятся «крылатыми». Для исследователя, занимающегося проблемами

истории и теории литературы, а в частности, исследованием данных текстов, может показаться интересным тот факт, что у многих оригинальных текстов есть так называемые продолжения, которые, безусловно, являются «вторичными текстами» по отношению к оригиналам. Именно эти тексты-продолжения оказываются на периферии исследовательских интересов.

Несмотря на то, что феномен интертекстуальности стал предметом изучения в эпоху постмодернизма, когда в художественной литературе появляется множество произведений, в основе которых лежит игра, история литературы до эпохи постмодернизма знает большое количество примеров, связанных с активным межтекстовым взаимодействием. Вторичные тексты, в том числе и тексты-продолжения, не являются приметой исключительно литературы, возникшей внутри постмодернистской парадигмы художественности.

Имея в виду специфику отобранного материала, при анализе текстов в диссертации мы используем принцип разделения текстов-продолжений по родам литературы (драма и эпос). В рамках данной работы не затрагиваются лирические тексты, так как она посвящена анализу нарративных текстов в широком понимании¹⁰.

Поскольку текст-продолжение как самостоятельный вид вторичного текста не был рассмотрен до настоящего времени, одной из основных задач становится выделение критериев, позволяющих отграничить данный вид вторичного текста от остальных. В этой связи оказывается важным определить особенности организации текста-продолжения, исследовать сюжетообразующую функцию интертекстуальных элементов в данном виде вторичных текстов.

Тексты-продолжения – это явление, которое присуще не только эпохе постмодернизма, но и предшествующим литературным эпохам, и они были достаточно широко распространены как в зарубежной, так и в отечественной

¹⁰ Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

литературе, но до настоящего времени литературоведами не была предпринята попытка теоретического осмысления и описания данного феномена.

Исследователи, занимающиеся проблемами интертекстуальности (Ж. Женетт, Н. Пьеге-Гро), не преследуют цели выявить специфику различных видов вторичных текстов, а сосредоточены на самом явлении интертекстуальности и на том, как она может функционировать в том или ином виде вторичного текста.

М. В. Вербицкая, предпринимая попытку типологизации вторичных текстов, не включает текст-продолжение в данную типологию, и это подтверждает, что данный феномен остается на периферии научного знания.

Ю. В. Флягина, хотя и говорит о литературном продолжении, но рассматривает его не как самостоятельный вид вторичного текста, а как одну из разновидностей стилизации и настаивает на том, что литературное продолжение должно сохранять жанр и все стилистические особенности претекста.

В данном научном контексте представляется важным решение проблемы о самостоятельном статусе текста-продолжения, так как имеющийся в нашем распоряжении литературный материал позволяет сделать вывод о том, что текст-продолжение – это самостоятельный вид вторичного текста, который связан межтекстовыми связями с претекстом, но при этом в тексте-продолжении не всегда имитируется его стиль, а также сохраняется его жанр.

Тексты-продолжения, написанные писателями-постмодернистами, нередко построены по принципу постмодернистской игры, которая позволяет автору вторичного текста экспериментировать с жанром, стилем, формой нового произведения.

Таким образом, неизменными отличительными чертами текстов-продолжений остаются: заимствование персонажей из оригинального текста, развитие их судеб во времени, но в логике характеров, которые представлены в оригинальном тексте; заимствование хронотопа из оригинального текста.

Спецификой интертекстуальности в тексте-продолжении становится ее сюжетообразующая функция.

Описанные в данной главе особенности текста-продолжения анализируются во второй и третьей главах на материале драматических и эпических произведений различных авторов.

ГЛАВА 2 «ТЕКСТ-ПРОДОЛЖЕНИЕ КАК ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ» состоит из двух параграфов, в которых рассмотрены тексты-продолжения классических драматических произведений.

В первом параграфе **«Тексты-продолжения и классическая драма»** анализируются два драматических текста-продолжения классической литературы: «Возврат Чацкого в Москву, или встреча знакомых лиц после двадцатипятилетней разлуки» Е. П. Ростопчиной и «Татьяна Репина» А. П. Чехова.

Продолжение известной комедии А. С. Грибоедова было написано Е.П. Ростопчиной в 1856 году, но, повторяя судьбу канонического текста, было запрещено цензурой и опубликовано только через девять лет после смерти автора – в 1865 году. Многие современники посчитали, что пьеса Е.П. Ростопчиной является ярким примером сатиры на современную ей социально-историческую обстановку в России. Однако данное произведение интересно не только как сатира на современное автору время, но и как текст-продолжение с чертами пародии.

В пьесе Ростопчиной действие развивается, как и в комедии А.С. Грибоедова, в гостиной у Фамусова, с той только разницей, что Ростопчина называет конкретный временной период, разделяющий претекст и вторичный текст – двадцать пять лет, что эксплицировано в подзаголовке ее произведения, а также в ремарках и примечании автора. Временной отрезок, разделяющий два произведения, выбран не случайно: Чацкий воспринимается Е.П. Ростопчиной как герой «преддекабрьской эпохи» (действие претекста она относит к 1825 году и всю хронологию текста-продолжения выстраивает с опорой на этот период времени).

Возвратившись в Москву по прошествии двадцати пяти лет, герой с изумлением наблюдает, как опошлены неумелыми подражателями его заветные идеи свободы.

Подавляющее большинство персонажей заимствовано Е.П. Ростопчиной из претекста, однако появляются и новые, что обусловлено развитием судеб героев комедии Грибоедова во времени. Второстепенные персонажи фамусовского общества в тексте-продолжении принадлежат двум противоборствующим политическим лагерям, славянофилам и западникам, в соответствии с историческими реалиями времени действия пьесы-продолжения Е. П. Ростопчиной – пятидесятыми годами XIX века. В образах данных персонажей усматриваются черты пародии на современников автора, в тексте-продолжении каждый из персонажей имеет свой прототип.

Политической борьбе славянофилов и западников в тексте-продолжении отведено достаточно большое место, но важной его особенностью является то, что в продолжении имеется множество примеров пародии и на сам текст комедии Грибоедова. Образ Чацкого в тексте-продолжении представлен неоднозначно: в продолжении мы наблюдаем существенные изменения в характере героя.

Например, по прошествии двадцати пяти лет Чацкого начинают интересовать более приземленные вещи – статистика и геология:

К статистике давно в душе питаю страсть я,

И геология внушает мне участие;

В журналах можете вы отыскать следы

Моих разборов, розысков...¹¹

Между тем двадцать пять лет назад он говорил о науках и искусствах «творческих, высоких и прекрасных», а его речь была наполнена «обличительными и общественными мотивами»¹².

¹¹ Ростопчина Е. П. Возврат Чацкого в Москву, или встреча знакомых лиц после двадцатипятилетней разлуки: Разговор в стихах // От русского классицизма к реализму: Д. И. Фонвизин, А. С. Грибоедов / Сост., вступит. ст. и коммент. Е. Рогачевской. – М.: Школа–Пресс, 1994. С. 431.

¹² Пиксанов Н. К. Творческая история «Горе от ума» / АН СССР; Подгот. текста и коммент. А. Л. Грушнина. – М.: Наука, 1971. С. 171.

Черты пародии в тексте-продолжении прослеживаются на всех уровнях текста: не только речь персонажей и манера их поведения подвергаются пародированию, но и целые сцены, как, например, сцена обморока Софьи. Во втором действии «Горя от ума», когда Молчалин падает с лошади, Софья так переживает, что падает в обморок, тем самым выдавая себя.

Несмотря на то что в тексте-продолжении Софья уже взрослая мать семейства, она продолжает участвовать в любовных интригах. На этот раз объектом ее обожания становится Петров, домашний учитель. Между ним, Софьей и ее дочерью Верой возникает любовный треугольник, подобный тому, что существовал между Софьей, Молчалиным и Лизой. Ни в одной из этих интрижек героиня не любима, кавалер предпочитает ей другую женщину. Зная о перипетиях любовной истории дочери Фамусова, графиня Хрюмина решает вывести ее на чистую воду. В тексте-продолжении в результате в обморок по очереди падают обе героини – Софья и ее дочь.

В результате анализа делается вывод о том, что «Возврат Чацкого в Москву» является не только сатирой на социально-исторические реалии России середины XIX века. Текст-продолжение Е.П. Ростопчиной обладает чертами пародии, которые присутствуют на всех уровнях текста. Во-первых, персонажи пьесы Грибоедова и новые герои распределены на два противоборствующих лагеря, представители которых придерживаются идей западничества и славянофильства; подвергаются осмеянию их крайние взгляды, идеи и манера поведения. Многие герои имеют реальные прототипы. Во-вторых, текст-продолжение содержит в себе черты пародии на сам претекст; они проявляются в пародийном характере речи персонажей, заимствованных из претекста, повторении ситуаций в утрированном виде, наличии аллюзий к претексту, помещении прямых цитат из «Горя от ума» в новый иронический контекст.

Комедия Е.П. Ростопчиной является не единственным примером текста-продолжения в художественной литературе классической эпохи. Так, в 1889 году

появляется пьеса «Татьяна Репина» А. П. Чехова, являющаяся продолжением известной в свое время комедии в четырех действиях А. С. Суворина «Татьяна Репина». Обращение известного писателя к подобного рода литературным экспериментам доказывает, что написание вторичных текстов является уделом не только писателей-беллетристов.

Пьеса «Татьяна Репина», написанная А. П. Чеховым в качестве «подарка» А.С. Суворину, является текстом-продолжением комедии в четырех действиях, так как сюжетная линия претекста оказывается структурно незавершенной и обладает семантической валентностью для завершения. Автор вторичного текста заимствует героев претекста, хронотоп оригинального произведения, а финал пьесы Суворина (смерть Татьяны Репиной) оказывается завязкой для пьесы А. П. Чехова. И хотя Чехов сохраняет оригинальное название, главная героиня становится внесценическим персонажем, который организует действие одноактной драмы. В целом, текст-продолжение А. П. Чехова структурно завершает комедию А.С. Суворина, является как бы ее пятым актом.

Однако Чехов, структурно завершая пьесу Суворина, в конце текста-продолжения, после «занавеса», оставляет ремарку – послание автору претекста: «а все остальное предоставляю фантазии А. С. Суворина»¹³. Таким образом, А.П. Чехов оставляет возможность для А. С. Суворина написать очередное продолжение. Логика пьесы-продолжения здесь эксплицирована и содержит скрытое указание на вторичность чеховской пьесы.

Несмотря на это, автор вторичного текста полностью перерабатывает стиль претекста, создавая комический эффект путем смешения различных речевых регистров, а также путем оригинальной переработки первичного текста. Именно это позволяет нам говорить о сильном пародийном начале в тексте-продолжении, написанном А. П. Чеховым. Авторские находки, реализовавшиеся в тексте-продолжении (создание эффекта жизнеподобной полифонии путем перебивки

¹³ Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. – Т. 12 / А. П. Чехов. – М.: ОГИЗ – ГИХЛ, 1949. С. 181.

церковных текстов в репликах священнослужителей и репликах остальных персонажей), получают свое дальнейшее воплощение в более поздних оригинальных произведениях великого русского писателя.

В втором параграфе «Тексты-продолжения и «новая новая» драма» анализируются два драматических текста-продолжения литературы постмодернизма: «Чайка» Б. Акунина и «Поспели вишни в саду у дяди Вани» А. Зензинова и В. Забалуева.

Комедия «Чайка», написанная Б. Акуниным в 2000 году, – это текст, созданный в постмодернистской манере, совмещающий в себе черты как «диалога с первичным текстом», так и «текста-завершения» (по классификации Л. М. Майдановой¹⁴). Противоположность оценок данного текста дает нам возможность рассматривать его и как диалог двух текстов, и как альтернативное продолжение, развивающее детективную линию. Драматический текст Акунина является постмодернистским детективом и не подходит под жанровые критерии детектива в его традиционном понимании: важнее в пьесе не «разгадка», а «догадки», которые возникают не только у сыщика Дорна, но и у других участников следствия, при этом количество новых версий преступления определяет количество потенциальных текстов-продолжений. Множественность версий следствия можно рассматривать и как аналог идеи «конвенциональной» истины эпохи постмодерна, получившей сюжетное воплощение.

Еще одним ярким примером постмодернистского текста-продолжения является пьеса А. Зензинова и В. Забалуева «Поспели вишни в саду у дяди Вани». Пьеса «Поспели вишни в саду у дяди Вани» уже рассматривалась исследователями в ряду ремейков чеховских пьес. Но данный текст представляет интерес не столько как ремейк, сколько как «диптих». Именно так его определяет исследователь В.Л. Шуников¹⁵. Он отмечает, что «принцип построения пьесы отражен в ее

¹⁴ Майданова Л. М. Речевая интенция и типология вторичных текстов / Л. М. Майданова, Человек. Текст. Культура. Екатеринбург: АО «Полиграфист», 1994. - С. 81-104.

¹⁵ Шуников В. Л. Диптих как жанровая модификация новейшей драмы (на материале пьесы А. Зензинова и В. Забалуева «Поспели вишни в саду у дяди Вани») // Вестник РУДН, серия «Литературоведение. Журналистика».

заглавии: очевидно, что возникающие аллюзии ориентируют нас на два произведения А.П. Чехова. При этом интересно, что данный заголовочный комплекс может функционировать как в целостности (в начале произведения), так и распадаться на две части, что происходит далее по тексту – «Поспели вишни в саду» и «У дяди Вани»¹⁶.

В диссертации анализируется пьеса 1 «Поспели вишни в саду», потому что именно она является текстом-продолжением по отношению к комедии А.П. Чехова «Вишневый сад». В данной пьесе присутствуют элементы пародии, причем пародии не только на первичный текст и все творчество А. П. Чехова, но и пародии на саму постмодернистскую игру с текстом.

В результате проведенного анализа драматических текстов установлено, что тексты-продолжения являются общелитературным феноменом и самостоятельным видом вторичного текста, который характерен не только для современной литературы, но и для более ранних периодов истории литературы. Кроме того, текст-продолжение, хотя и является разновидностью вторичного текста, представляет интерес не только для писателей, так называемого, «второго ряда», но для писателей-классиков, которые использовали подобную форму для литературных экспериментов.

ГЛАВА 3 «ТЕКСТ-ПРОДОЛЖЕНИЕ КАК ЭПИЧЕСКИЙ ТЕКСТ»

состоит из трех параграфов. В данной главе прослеживается взаимодействие с исходными текстами эпических текстов-продолжений различных видов: продолжения, написанного в форме стилизации (автор которого пытается воспроизвести все характерные черты идиостиля, так как имеет возможность использовать сохранившиеся фрагменты продолжения, написанного автором оригинального текста); постмодернистского продолжения романа-антиутопии; текста-продолжения из массовой литературы.

2015. №3. С. – 62–70.

¹⁶ Там же.

В первом параграфе «Текст-продолжение как попытка восстановить утраченные фрагменты оригинального текста» рассматривается текст-продолжение «Мертвые души. Том 2» Ю.А. Авакяна, который является продолжением поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души», причем продолжением, воссозданным на основе оригинальных глав и их фрагментов из утерянного второго тома поэмы. Авакян подчеркивает, что текст, написанный им в 1994 году, неразрывно связан с оригинальным, указывает в качестве соавтора Н.В. Гоголя и выносит его имя в заглавие своего произведения.

Интертекстуальность как присутствие одного текста в другом лежит в основе текста-продолжения, написанного Ю.А. Авакяном. Автор не только заимствует обстоятельства, пространство и время, персонажей из оригинального текста, пытается воссоздать логику их развития, но и включает в свой текст очень объемный массив текста, написанного не им, а Н. В. Гоголем. В продолжение «Мертвых душ» включены первая, третья главы и фрагменты второй, четвертой и заключительной глав второго тома «Мертвых душ» Н. В. Гоголя. Таким образом, включение глав оригинального текста в текст-продолжение является примером прямого цитирования. Все дальнейшее «дописывание» Авакяном является «воссозданием» утраченного текста, с попыткой сохранения авторского стиля Гоголя.

До настоящего времени сохранились фрагменты двух редакций оригинального авторского текста Н. В. Гоголя. В тексте Авакяна происходит контаминация двух редакций заключительной главы, предложенных Н.В. Гоголем: в тексте-продолжении начало главы совпадает с началом главы позднейшей редакции прецедентного текста, после приводится эпизод из ранней редакции.

Наличие двух редакций сохранившихся фрагментов второго тома «Мертвых душ» Гоголя позволяет Авакяну использовать особую технику письма. Ж. Женетт, затрагивая проблему анаморфоза, в качестве примера приводит роман Мишеля Бютора «6810000 л воды каждую секунду», в котором анаморфозом выступает текст

из «Аталы» Шатобриана. М. Бютор в интервью определил принцип новой техники письма следующим образом: «Я вынужден просить некоторым образом (Шатобриана – А. К.)... разрешения использовать его текст, но не как цитату, а как первичный материал. К счастью для меня, имеются две версии этого описания. Это текст, который имеет две формы, это текст, который, как следствие, имеет уже игру в себе самом»¹⁷.

Именно такой способ письма мы наблюдаем в тексте-продолжении, что позволяет считать «Мертвые души, том 2» Ю.А. Авакяна постмодернистским текстом, в основе которого лежат принцип деконструкции и постмодернистская игра.

Текст-продолжение Ю. А. Авакяна является ярким примером продолжения-стилизации оригинального текста, созданного на основе сохранившихся фрагментов, написанных автором оригинального текста, что, безусловно, является уникальным случаем для истории литературы, связанным с творческой историей поэмы «Мертвые души» Н. В. Гоголя. Однако приемы, которые использует автор продолжения для того, чтобы сделать его как можно более похожим на оригинал, свойственны для стилизаций, так как текст Авакяна совмещает в себе два предмета изображения: это и «воспроизведение чужого стиля», что характерно именно для стилизаций, и попытка изобразить дальнейшее развитие судеб героев оригинального текста по сохранившимся фрагментам, используя принцип «саморазвития характеров», которые были прописаны самим Н. В. Гоголем.

В параграфе **«Текст-продолжение и постмодернистский роман»** рассматривается постмодернистский роман Дьердя Далоша «1985». Само название романа венгерского писателя «1985» указывает на тесную связь с известным романом-антиутопией Дж. Оруэлла. Роман Далоша написан в постмодернистской манере и обладает всеми характерными для подобных произведений чертами, в основе которых лежит постмодернистская игра.

¹⁷ Genette G. Palimpsestes: La littérature au second degré. Éditions du Seuil, Paris, 1982. P. 63.

Интересной особенностью данного текста-продолжения является нелинейный нарратив. Событие, о котором рассказывается, вступает во взаимодействие с событием рассказывания, и второе – с точки зрения построения нарратива – не менее, а более важно, чем первое. В романе Далоша событие рассказывания эксплицировано в сносках к основному тексту. Данные сноски авторизованы: их дает историк, который выстраивает все повествование «1985» на основании попавших в его руки документов и дневниковых записей главных героев романа Оруэлла. Происходит удвоение за счет того, что в сносках имеются не только комментарии к рассказанной истории, но и отдельная сюжетная линия, связанная с событиями собственной жизни историка-повествователя.

Удвоенный нарратив текста-продолжения и вторичность самого текста «1985» по отношению к роману «1984» создают сложный комплекс интертекстуальных связей (внешних и внутренних). В романе «1985» реализованы гипертекстуальные связи (по терминологии Ж. Женетта) между вторичным текстом и претекстом, заключающиеся в заимствовании героев, хронотопа из оригинального текста; а также метатекстуальные (то есть связь текста и комментирующего текста) связи; усложнение данных связей происходит за счет того, что метатекст комментирует не только роман, в котором он присутствует, но и претекст, роман «1984». Реализованные в примечаниях историка метатекстуальные связи лежат в основе межтекстового взаимодействия двух произведений.

Названные выше формы интертекстуальности получили широкое распространение в массовой литературе. В параграфе **«Текст-продолжение в массовой литературе»** данное утверждение иллюстрируется на примере текста-продолжения «Та самая Татьяна» Анны и Сергея Литвиновых, написанного в 2013 году и названного в аннотации «блестящей литературной стилизацией».

В романе «Та самая Татьяна» А. и С. Литвиновых межтекстовые связи с претекстом оказываются ослабленными: авторы заимствуют героев,

обстоятельства, хронотоп, но полностью изменяют всю структуру текста-продолжения. В отличие от претекста (романа в стихах), роман «Та самая Татьяна» написан прозой и построен по законам детектива. Подобно тому, как авторы текстов-продолжений, написанных в постмодернистской манере, основываясь на принципе децентрации, «переделывают» классиков, так и данный текст массовой литературы полностью изменяет исходный канонический текст и не имеет в своей структуре каких-либо глубинных межтекстовых связей с ним.

В результате проведенного анализа делается вывод о том, что эпический текст-продолжение является самостоятельной разновидностью вторичного текста и может обладать различной эстетической ценностью, в зависимости от того, насколько точно его автор воспроизводит или видоизменяет черты оригинального текста в своем произведении. В результате попытки воспроизведения черт идиостиля автора оригинального текста мы можем наблюдать текст-продолжение с элементами стилизации. В том случае, если автор текста-продолжения имеет своей целью представить в ироническом ключе героев оригинального текста или сам текст, присутствуют признаки пародии. Если же текст-продолжение заимствует из канонического текста только имена героев, ориентирован на его время и пространство, а развитие персонажей во времени не следует логике, предложенной автором претекста, возникает произведение массовой литературы, которое никак не связано структурно с претекстом.

В ЗАКЛЮЧЕНИИ работы изложены выводы исследования. Текст-продолжение является самостоятельным видом вторичного текста, обладает набором дифференцирующих признаков, позволяющих отграничить его от других видов вторичных текстов. Таким образом, текст-продолжение – текст, который является продолжением известного оригинального произведения, ставшего, как правило, каноническим, заимствующий из оригинального текста хронотоп, а также

персонажей, которые действуют в логике развития, предложенной в претексте, с обязательной сменой автора.

Основные положения работы отражены в 11 публикациях, 4 из которых – публикации в изданиях перечня ВАК:

1. Кудина А. Ю. Комедия в двух действиях «Чайка» Б. Акунина как «текст-продолжение» // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. – Тверь, 2018. №3. – С. 180-184.

2. Кудина А. Ю. «Текст-продолжение» «Мертвые души, том 2» Ю.А. Авакяна: стилизация по сохранившимся фрагментам оригинального текста // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. – Тверь, 2019. № 3. – С. 223–228.

3. Кудина А. Ю. Языковая стилизация как художественный прием в «тексте-продолжении» «Мертвые души. Том 2» Ю. А. Авакяна // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. – Тверь, 2019. №4. – С. 237–242.

4. Кудина А. Ю. «1985» Д. Далоша как «текст-продолжение» романа «1984» Дж. Оруэлла // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. – Тверь, 2020. №3. – С. 278-282.

Публикации в других научных изданиях

5. Кудина А. Ю. Текст-продолжение как разновидность вторичных текстов: к постановке проблемы // Филология и просветительство. Научное, педагогическое, краеведческое наследие Н.М. Лебедева / Материалы международной филологической конференции, Тверь, 2017 г. С. 140-146.

6. Кудина А. Ю. «Возврат Чацкого в Москву» Е.П. Ростопчиной как текст-продолжение // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве: сб. науч. тр. / ред. Е.Г. Милюгина. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2018. – Вып. 8 (14). С. 14-20.

7. Кудина А. Ю. Криминалистическая версия в расследовании преступлений в качестве основы сюжета в художественной литературе (на примере комедии в двух действиях «Чайка» Б. Акунина) // Обеспечение прав человека в деятельности правоохранительных органов / Сборник научных трудов. Выпуск 1. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2018. С. 97-101.

8. Кудина А. Ю. Тезисы «Та самая Татьяна» А. и С. Литвиновых: «текст-продолжение» романа в стихах А.С. Пушкина в духе детектива // Материалы международного форума «Ломоносов-2019», МГУ, Москва.

9. Кудина А. Ю. Постмодернистский детектив и реальная следственная практика: на примере «Чайки» Б. Акунина // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве. Сборник научных трудов под редакцией Е. Г. Милюгиной. Тверь, 2019. С. 51-55.

10. Кудина А. Ю. Межтекстовые связи текста-продолжения «1985» Д. Далоша и романа-антиутопии «1984» Дж. Оруэлла // Социальная семиотика: точки роста. Сборник статей. Под научной редакцией Г. Л. Тульчинского. Санкт-Петербург, 2020. С. 82-85.

11. Кудина А. Ю. Межтекстовые связи текста-продолжения «Поспели вишни в саду у дяди Вани» А. Зензинова и В. Забалуева и комедии «Вишневый сад» А.П. Чехова // Русский язык в поликультурном мире: V Международный симпозиум (8–12 июня 2021 г.) / Отв. ред. Е. Я. Титаренко: Сб. науч. статей. В 2-х т. Том 2. – Симферополь: Издательский дом КФУ, 2021. С. 69-74.